

Т

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

МАРИЯ ФИЛИНА

**БОРИС ПАСТЕРНАК
В ГРУЗИИ**

**К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б.Л. ПАСТЕРНАКА**

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

МАРИЯ ФИЛИНА

БОРИС ПАСТЕРНАК
В ГРУЗИИ

Тбилиси
2014

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения, а в начале XVII века Россия стала религиозным и дипломатическим покровителем Иверской земли. При Петре Первом на берегах речки Пресни была заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особенно тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» - первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

© **Русский клуб. 2014**

ISBN 978-9941-0-7144-7

«ПОЕЗДКА В ГРУЗИЮ – ЭТО ПОЕЗДКА ВНУТРЬ СЕБЯ...»

▲ Кирилл Зданевич. П-т Тициана Табидзе (фрагмент)

«Грузинская жизнь» Бориса Пастернака стала легендой. О ней написаны тома. Но каждому новому поколению хочется причаститься к ее тайне, ощутить мощный заряд сплетения судеб, поэтических открытий, высоких возможностей человеческого духа. Создатель одного из самых ярких поэтических миров XX столетия кровно связал грузинскую и русскую культуру, он навсегда вписан в историю Грузии. Содружество Бориса Пастернака с целой плеядой выдающихся грузинских литераторов-современников

подтверждено поэтическим словом и гражданским деянием. Возникло такое единство судеб, связей, дружб и творческих интересов писателей разных культур, направлений и дарований, спаянное радостью и бедой, какого, пожалуй, не было в богатейшей истории русско-грузинских взаимосвязей.

Пастернак создал строки о Грузии, которые вошли в мировую сокровищницу поэзии, сделал грузинскую лирику достоянием русскоязычного читателя, который постигает душу народа через колдовские

▲ **Борис Пастернак**

пастернаковские переводы. В годы сталинского террора Борис Пастернак, предвидя судьбу многих близких, рискуя собственной свободой, а, возможно, и жизнью, поддерживал своих друзей Паоло Яшвили, Тициана Табидзе, Валериана Гаприндашвили и многих других. После гибели Тициана и Паоло русский поэт на протяжении десятилетий помогал их семьям, как бы продлевал жизнь ушедших собственной жизнью.

Лишь он и Нина Табидзе до середины 1950-х продолжали верить, что Тициан может быть жив и вернуться к ним.

Поэт в общей сложности пробыл в Грузии недолго, хотя протяженность общения составила почти три десятилетия с 1931 года. Но у знатоков творчества Пастернака создается оправданное впечатление, что раз причастившись к этой стране, он ее не покидал. «Поездка в Грузию – это поездка внутрь себя, это мое сокровенное желание художника, от которого я никогда не откажусь», – признался он Симону Чиковани.

В начале 1980-х годов мне довелось беседовать с сыном поэта Евгением Борисовичем, и я задала вопрос: «Чем так околдовала Пастернака Грузия, что он стал ее частью, а грузинский мир – его органикой?» Наши мнения совпали. В России в конце 1920-х, особенно в Москве и Ленинграде, установилось невыносимое давление идеологической машины. Истинная поэзия вытраивалась, а позже преследовалась. Началась борьба с литературными группировками и отдельными писателями. Этот гнет ощутили на себе все литераторы, но каждый переживал его по-разному. В Грузии же поэтическая стихия еще была жива. И стиль грузинской жизни сам был напоен поэзией. Можно было всю ночь напролет ходить из семьи в семью, от поэта к поэту, слагать и читать стихи. Для Пастернака эта атмосфера стала спасительной.

Впервые Борис Леонидович приехал в Грузию летом 1931 года в

драматическую пору своей жизни. Незадолго до этого его супругой стала Зинаида Николаевна Нейгауз, жена его близкого друга, выдающегося пианиста Генриха Густавовича Нейгауза. Драма двух семей переживалась очень остро. Пастернакам фактически негде было жить и хотелось скрыться от бесконечных пересудов вокруг их личной судьбы. Это накладывалось на общую ситуацию в Москве.

1929 год – «год перелома», принес с собой «чистку» партийных рядов и репрессии литераторов. Можно сказать, что у поэтов возникла массовая депрессия. У большинства окончательно развеивались иллюзии о возможности «вписаться» в новую действительность. Возникла пропасть между теми литераторами,

которые согласны были любой ценой служить властям и теми немногими, кто не желал поступиться своей совестью и творчеством. Уже возникла система «социального заказа». Лирическая поэзия стала не нужна, даже гонима. Недавно эти писатели были членами общих объединений, друзьями. Шоковым событием стало самоубийство Владимира Маяковского, у которого «разбилась о быт» не только «любовная лодка», но и вера в праведность революции. Сталинская тотальная цензура и доноительство набирали силу. Борис Пастернак переживал эту ситуацию очень болезненно.

В такой момент он познакомился в Москве с выдающимся грузинским символистом Паоло Яшвили, который пригласил его с Зинаидой

Николаевной в Грузию. Эта поездка для Пастернака навсегда связана с первыми месяцами общей жизни с любимой, она стала «вторым рождением». В книге, вышедшей под этим названием, сплелись посвящения Зинаиде Николаевне и впечатления от Грузии, возрождение духа, начало новой жизни, переломный период и в поэтическом стиле, и в эстетических установках. Пастернак отказывался от сложнейшей ассоциативности своего раннего творчества, от неокантианства, от «Марбурга», стремился к тому, что сам назвал «неслыханной простотой».

Грузия поразила его природой, людьми, самой своей поэтической сущностью, разлитой в воздухе, гостеприимством и традициями. Этот край всегда был для русских литераторов «страной поэтического вдохновения». Но мало кто сразу ощутил трагические противоречия исторической судьбы Грузии. В программном стихотворении «Волны», созданном в первую поездку, он определил:

Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмем подножьем,
И мы получим этот край.

И мы поймем, в сколь тонких дозах
С землей и небом входят в смесь
Успех и труд, и долг, и воздух,
Чтоб вышел человек как здесь.

Чтобы сложившись среди бескормиц,
И поражений и неволь,
Он стал образчиком, оформясь
Во что-то прочное, как соль...

▲ Паоло Яшвили

Кто-то восхищался, а кто-то возмущался пастернаковской способностью соединять несоединимое – высокую философию и приземленные детали, полет утонченных чувств и их земное наполнение. В 1920-е годы часть поэтов яростно боролась с бытом, часть пыталась смириться с ним или даже поэтизировать его. Мир Пастернака – в синтезе высокого и низкого, в поисках гармонии. Тончайшая пастернаковская чувствительность, даже чувственность, позволила поэту распознать трагизм

грузинской истории – ее «ад и рай». Чувствительность распространялась на людей, в момент вдохновения он мог увидеть человека в его глубинной сути, безмерно восхищаться им. Пастернаки были приняты в среду «голуборожцев», росли в нее – как оказалось, до конца жизни. По уже сложившейся традиции Паоло Яшвили познакомил гостей с Тицианом Табидзе, которого Павел Антокольский окрестил «поэтическим мэром Тбилиси». «Мэрия» состояла из двух лиц – Паоло и Тициана.

В первые годы тбилисской жизни «голуборожцы» часто проводили бурные поэтические вечера. Они были молоды, веселы и неустроены. Любимым местом встреч стало легендарное кафе «Химериони» в подвале театра Руставели. Когда семья Тициана Табидзе поселилась на Грибоедовской улице, «центр притяжения» был перенесен в этот дом. Поначалу в столовой стояли старый стол и четыре стула, что не мешало собираться здесь многочисленному обществу. Постепенно необычная квартира заполнилась статуэтками, картинами и предметами быта, ныне ставшими историей.

Уже тогда круг ближайших друзей и знакомых семьи Табидзе был столь широк, что крестных у дочери оказалось тринадцать. Среди них – Котэ Марджанишвили, конечно же, Паоло Яшвили и другие «голуборожцы» - В.Гаприндашвили, Г.Леонидзе, Д.Джапаридзе, Р.Гветадзе... После этого девочка могла уже ничему в жизни не удивляться. Позже Нита рассказывала о многочисленных

крестных как о само собой разумеющемся. От того торжества сохранились некоторые подарки, которые сегодня украшают старинный буфет в музее-квартире Тициана: две статуэтки – дар Котэ Марджанишвили, китайские тарелки от Ованеса Туманяна. Здесь же – тарелка и ваза из семьи Ильи Чавчавадзе, которому мать Ниты Нина Макашвили прихо-

▼ Тициан Табидзе

▲ Коджори

дилась внучатой племянницей. Каждый из побывавших в доме Тициана Табидзе как бы оставил здесь частичку души и зачастую материальный знак своего присутствия.

У Тициана был редкостный дар видеть в каждом его глубинное начало, значение его личности, масштаб индивидуальности, порой гораздо большие, чем конкретные поэтические установки. С этим росла Нита, осененная отцовским даром, осознававшая самое необычное как органику существования.

Можно поразиться диапазону тех людей, которые считали Тициана и Нину Табидзе, и, естественно, Ниту близкими себе: Андрей Белый, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Алексей Толстой, Анна Ахматова, Юрий Тынянов, Сергей Городецкий,

Ольга Форш, Отто Шмидт, Николай Заболоцкий, Николай Тихонов, Павел Антокольский, Микола Бажан, Бенедикт Лившиц, Борис Брик, Максим Рыльский, Егише Чаренц.

При всем несходстве поэтического дарования неотторжим от Тициана Паоло Яшвили. Они и ощущали себя «близнецами во всем, везде, до гроба», и так же воспринимались окружающими. Поэтому в создании культурного очага на Грибоедовской роль П.Яшвили также первостепенна. В такую атмосферу погрузились Пастернаки, дружба возникла со всей семьей.

В жару чету Пастернаков поселили на даче в Коджори. Зинаида Николаевна вспоминает: «Полгода, проведенные в Грузии, превратились в сплошной праздник. Борис

Леонидович и я впервые увидели Кавказ, и его природа нас потрясла. Кроме того, нас окружали замечательные люди – большие поэты Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Николо Мицишвили, Георгий Леонидзе. Нас без конца возили на машинах по Военно-Грузинской дороге, показывая каждый уголок Грузии, и во время поездок читали стихи. Поразительная природа Кавказа и звучание стихов производили такое ошеломляющее впечатление, что у меня не было времени подумать о своей судьбе. Так мы объехали всю Грузию.

В августе мы переселились в Кобулеты на Черном море, где познакомилась с Симоном Чиковани и Бесо Жгенти... Здесь Борис Леонидович написал «Волны» и читал их вслух. Меня удивило, что через три дня все грузинские поэты ... запомнили эти удивительные стихи наизусть. Они любили Пастернака больше всех современных поэтов, носили его на руках...» (З.Н. Пастернак. Воспоминания. Москва. Дом-музей Пастернака. 2010, с. 271-272).

Пастернак уже тогда был знакомой фигурой не только для русской, но для мировой поэзии и более того – для мировой культуры. С другой стороны, он был постоянной проблемой для официальных властей, стоял «поодаль» от общей идеологической линии, а позже никак не вписывался в соцреализм. Его мнения, все более открыто высказываемого, опасались многие. Он отличался особой простотой в общении, но это была высокая, недоступная боль-

шинству простота, которая для многих, в том числе для «литературных генералов», была опаснее спеси и амбициозности иных литераторов. Общение с Пастернаком считалось великой честью и одновременно таило в себе опасность (то большую, то меньшую, в зависимости от политической конъюнктуры дня). И этот Пастернак 1931 года столь остро, столь глубоко воспринял свое ощущение Грузии, свое место среди ее духовной элиты, что для грузинской культуры навсегда стал органической составляющей, для друзей – частью их судьбы, для детей друзей – «дядей Борей». Совпали момент, атмосфера, поэтические обертоны и потребность души. Возник целый мир связей, творческих поисков и открытий, он стал легендой, которой нет равной в истории грузино-русских культурных отношений.

Первая поездка была самой длительной, можно было не торопясь наслаждаться общением, и в дальнейшем – приезжал ли Пастернак в Грузию, принимал ли у себя в Москве или в Переделкине грузинских друзей, друзей своих друзей, занимался ли переводами грузинской поэзии, поддерживал ли отношения в переписке, уже не имело принципиального значения – это была «поездка внутрь себя», часть собственной судьбы. А ее повороты обретали разные формы.

▲ Крепость Коджрис цихе

▲ Набережная Кутаиси

«УЖЕ ЭТО НЕ ПРЕДМЕТ ВОЛЬНОЙ ПЕРЕПИСКИ...»

По удивительным письмам можно проследить этапы радостных встреч, творческих планов, страшных потерь и годов выживания. Мы погружаемся в атмосферу тех далеких лет, заново переживаем этапы драматических отношений, узнаем о творческих замыслах, о радостях и муках творчества. Но главное — слышим голос уникальной личности. Письма Бориса Пастернака — часть

его наследия, поэзия в прозе. В них мы ощущаем могучий поток сознания и чувств. Таких писем, как у Пастернака, — искренних, порой обнаженных — немного в истории литературы. Особенно незабываемы письма к близким.

Переписка Бориса Пастернака с грузинскими друзьями и их семьями — один из самых ярких образцов эпистолярного жанра XX века. Кажется бы, это частная переписка нескольких лиц с фактами и событиями, понятными только ее участникам, но она издана на многих языках мира, потому что явила собой удивительные возможности человеческого сопереживания, соучастия, стала образцом таланта, смелости, веры в светлые чувства. Когда в 1960-е годы, как только это стало возможным, выдающийся грузинский литератор и критик Гия Маргвелашвили сначала в «Литературной Грузии»,

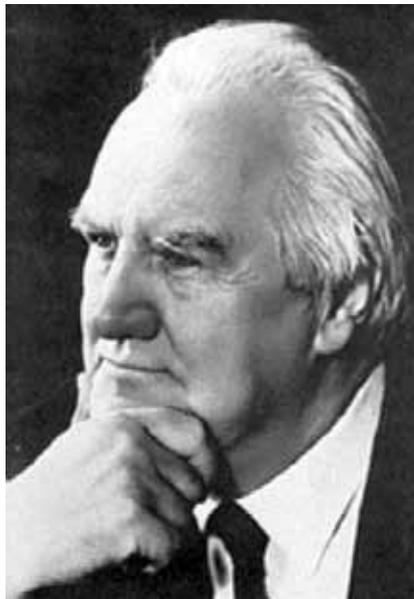
а позже в «Вопросах литературы» впервые опубликовал часть переписки Бориса Пастернака с грузинскими друзьями, это стало литературным и общественным событием мирового масштаба.

Особое место в жизни русского классика занимал Тбилиси. Уже вскоре после первой поездки Борис Леонидович пишет Паоло Яшвили: «Этот город со всеми, кого я в нем видел и со всем тем, за чем из него ездил и что в него привозил, будет для меня тем же, чем были Шопен, Скрябин, Марбург, Венеция и Рильке – одной из глав Охранной Грамоты – делящейся для меня всю жизнь... Оттого ведь и пишу я Вам письмо за письмом, и их последовательно уничтожаю. Уже это не предмет вольной переписки. Уже этот круг воспоминаний владеет мной: уже он пишет меня, как сказал бы Тициан...» (письмо от 30.07.1932 г.). Строки Тициана «Не я пишу стихи, они как повесть пишут меня, и жизни ход сопровождает их» в пастернаковском звучании стали хрестоматийными.

Вскоре Пастернак начинает интенсивно переводить грузинскую поэзию. Совпало несколько факторов. С одной стороны – желание подарить русскому читателю стихи друзей, проникнуть в мир поэзии любимого края. С другой стороны – в 1930-е годы в СССР возникает огромное по своим масштабам литературное явление – переводческий процесс. Писателей объединяли в группы и направляли в разные республики. Часть должна была ездить по стране, описывая ее достижения. Часть была объединена в переводческие бригады. Ничего удивительного в том, что большинство, не желая описывать достиже-

ния голодающей страны в радужных красках, мечтало о переводах. В Грузию желали попасть вершинные поэты эпохи – ее поэзия насчитывала полтора тысячелетия, Грузия давно стала фактом русской литературы, вдохновляла ее классиков. Да и личные встречи и привязанности вызывали у русских литераторов желание сотрудничать, стать участниками единого дела. Даже С.Есенин, практически не занимавшийся переводами, в 1924 году почувствовал настоятельную потребность стать «толмачом Грузии в России». В мир Важа Пшавела ввел Есенина Т.Табидзе, ему адресовано единственное из сохранившихся писем С.Есенина к грузинским друзьям. Письмо проникнуто благодарностью за подаренные моменты вдохновения, желанием вернуться,

▼ Николай Тихонов

▲ Тициан Табидзе с супругой Ниной и дочерью Нитой

вновь ощутить тот дух поэзии, тепла, который всегда излучал Т.Табидзе и его дом.

Естественно, Б.Пастернак стремился в Грузию – к друзьям, к поэтической стихии, в Тбилиси. Он редко проявлял такое упорство в переговорах с литературным руководством, если касалось его дел, а не дел друзей. Поначалу ему предложили ехать в Азербайджан, и он было согласился, но выяснилось, что членом «азербайджанской бригады» будет его бывшая супруга Евгения Пастернак – ее пригласили художником.

Официально Грузией «ведал» прозаик Петр Павленко, один из литературных «генералов» сталинских времен. Он писал Николаю Тихонову, предлагая ему ехать в Грузию: «Кстати, с бешеной активностью проявил себя Пастернак. Он намечен в уральскую бригаду, но

рвется в Грузию и уже перевел три стихотворения из Тициана Табидзе и обещает пяток еще» (письмо от 20.09.1933 г.).

Поездка состоялась в ноябре 1933 года. Возникли новые планы, знакомства. Ездили в разные районы, писателей везде радушно принимали, и поездка стала роскошным пиром. Б.Пастернак писал жене: «Вчера на обеде в Кутаиси нами было выпито 116 литров!!! Все почти больны от этого времяпрепровождения».

Вскоре после поездки Борис Леонидович буквально объясняется в любви Тициану и Паоло, останавливая порой себя самого, размышляя о том, что влюбленность в природу, человека составляет его натуру и даже порой перехлестывает через край.

Но кутежи кутежами, а поэты были поставлены в жесткие рамки – к I съезду Союза писателей СССР должны быть составлены и изданы десятки переводов. Результатом поездки 1933 года стал сборник «Грузинские поэты», созданный Пастернаком совместно с Николем Тихоновым. Тогда они близко дружили, вдохновенно работали (кстати, в разных городах, Тихонов жил в Ленинграде). Одновременно Пастернак начал переводить поэмы Важа Пшавела, иллюстрации к изданию делал новый друг поэта – выдающийся художник Ладо Гудиашвили. Важа Пшавела был издан отдельно. Обе книги получили высокую оценку. Хотя в те времена похвала партийной элиты могла быть чреватой. «Грузинских поэтов» отметил Н.Бухарин. Вскоре его стали преследовать, и на переводчиков посыпались нападки. Разойдутся, но чуть позже, и пути Пастернака и Тихонова. И, возможно, главной причиной ста-

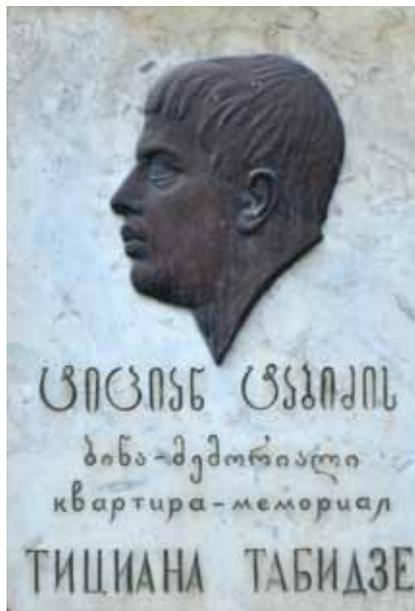
▲ Улица А.Грибоедова, дом 18

нет отношение к судьбе друзей. Пастернак навсегда окажется в опале. Тихонов станет председателем Союза писателей СССР. Ситуацию тех лет прекрасно описала в книге «Узел» Наталья Громова.

Еще на несколько лет дарован им пир дружбы. Но Пастернак рано начал ощущать сгущающуюся атмосферу страха и опасности. И уже тогда присягнул в верности друзьям, зная, что навлечет на себя гнев партийного руководства Союза писателей Грузии.

Для сегодняшних тенденций в межнациональных отношениях поучителен тот факт, что противостояние творческой интеллигенции действовало не внутри одной культуры, а в сплетении двух национальных культур, в утверждении общечеловеческих основ.

Это блестяще высказано Б.Пастернаком: «Понимать совсем

другой мир, совсем иной стиль и род жизни, это не места и не мгновенья, не Тифлис даже, даже, может быть, не земля, это близкая, случаем подаренная допущенность к делам истории, это участие в ее будущем, это широкий роман с теряющимися границами нескольких особо счастливых, под небом, покрывшим их смыслом одной общей даты. Это клей.., это Вы и я, это наши соединенные руки» (из письма Нине и Тициану Табидзе от 8.12.1934 г.). Для создания такой новой духовной общности, естественно, необходим был мощный положительный заряд, который потом мог стать частью общего противостояния. Он возник при первом соприкосновении Пастернака с Грузией, которая стала для него одним из культурных ориентиров.

На фотографии в дни грандиозного съезда писателей в 1934 году в Москве еще все запечатлены вме-

▼ Валериан Гаприндашвили

сте. Через три года большая часть грузинской делегации будет уничтожена.

Летом 1936 года в Грузии строили планы, радовались жизни, переводили стихи друзей и посвящали друг другу прекрасные строки. Пастернак обессмертил облик самых близких, вписал их в могучую природу Грузии:

За прошлого порог
Не вносят произвола,
Давайте с первых строк
Обнимемся, Паоло!

Ни разу властью схем
Я близких не обидел.
В те дни вы были всем,
Что я любил и видел.

Входили ль мы в квартал
Оружья, кож и седел,
Везде ваш дух витал
И мною верховодил.

Уступами террас
Из вьющихся глициний
Я мерил ваш рассказ
И слушал, рот разиня.

Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник.

Известные поэты, откладывая собственные творческие планы, составляли для русского друга подстрочники грузинской классики, бережно вводили его в мир грузинской поэзии. Особая роль в этом деле принадлежит Валериану Гаприндашвили, а позже – Фатьме Твалтадзе. Тот факт, что мы сегодня имеем блестящие русские переводы, -

▲ Кукрыниксы. Т. Табидзе и Б. Пастернак. Дружеский шарж. 1936

заслуга этой вдохновенной дружбы.

Они спешили жить, ездить, ку-
тить, работать. Поэтическая стихия
еще была мощной. Пастернак вос-
пел эту поэтическую мощь Тициана:

Еловый бурелом.
Обрыв тропы овечьей.
Нас много за столом.
Приборы, звезды, свечи.

Как пылкий дифирамб,
Все затмевая оптом,
Огнем садовых ламп
Тицьян Табидзе обдан.

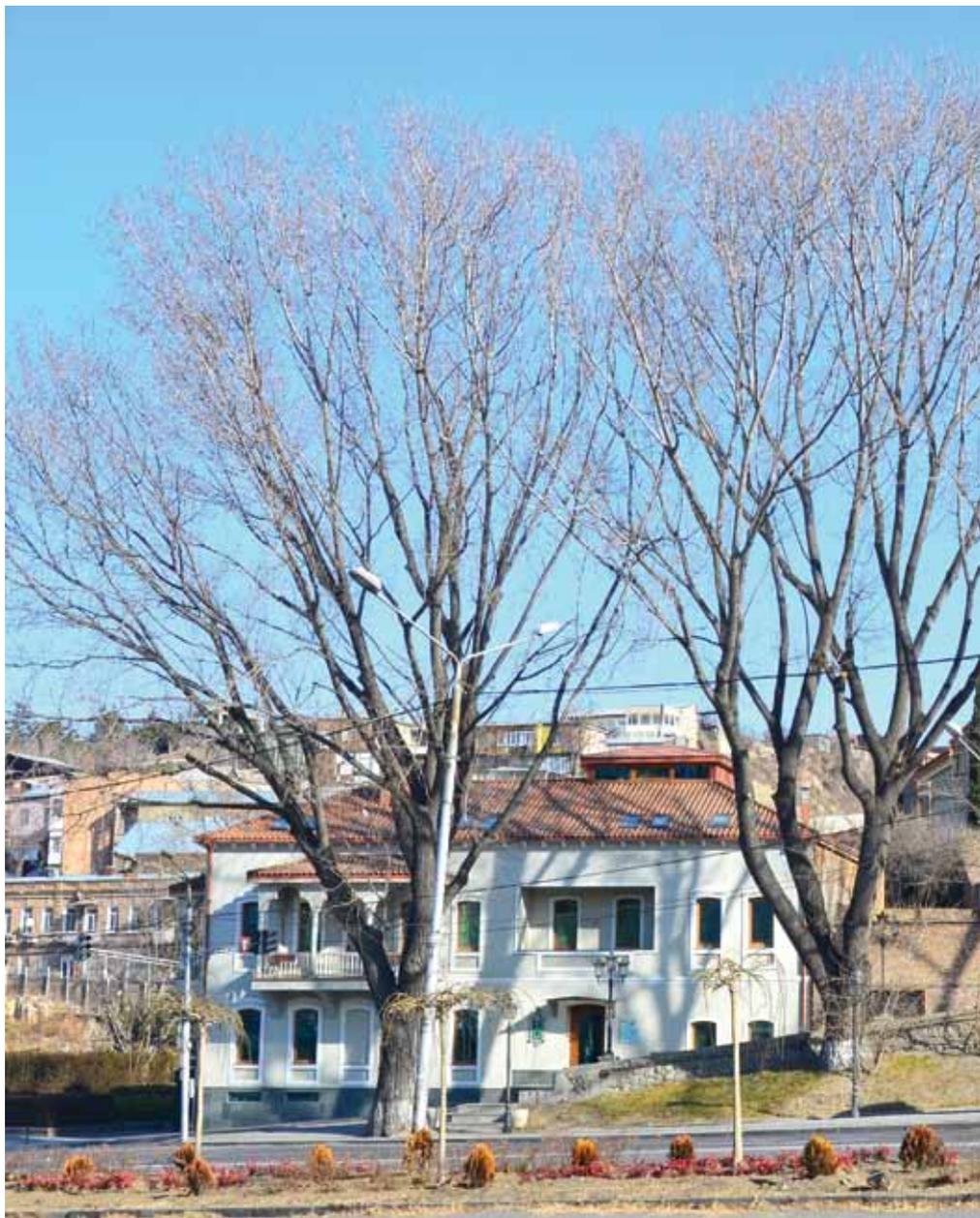
Сейчас он речь начнет
И мыслью – на прицеле.
Он словно почерпнет

Из этого ущелья...
Он в глыбе поселен,
Чтоб в тысяче градаций
Из каменных пелен
Все явственней рождаться.

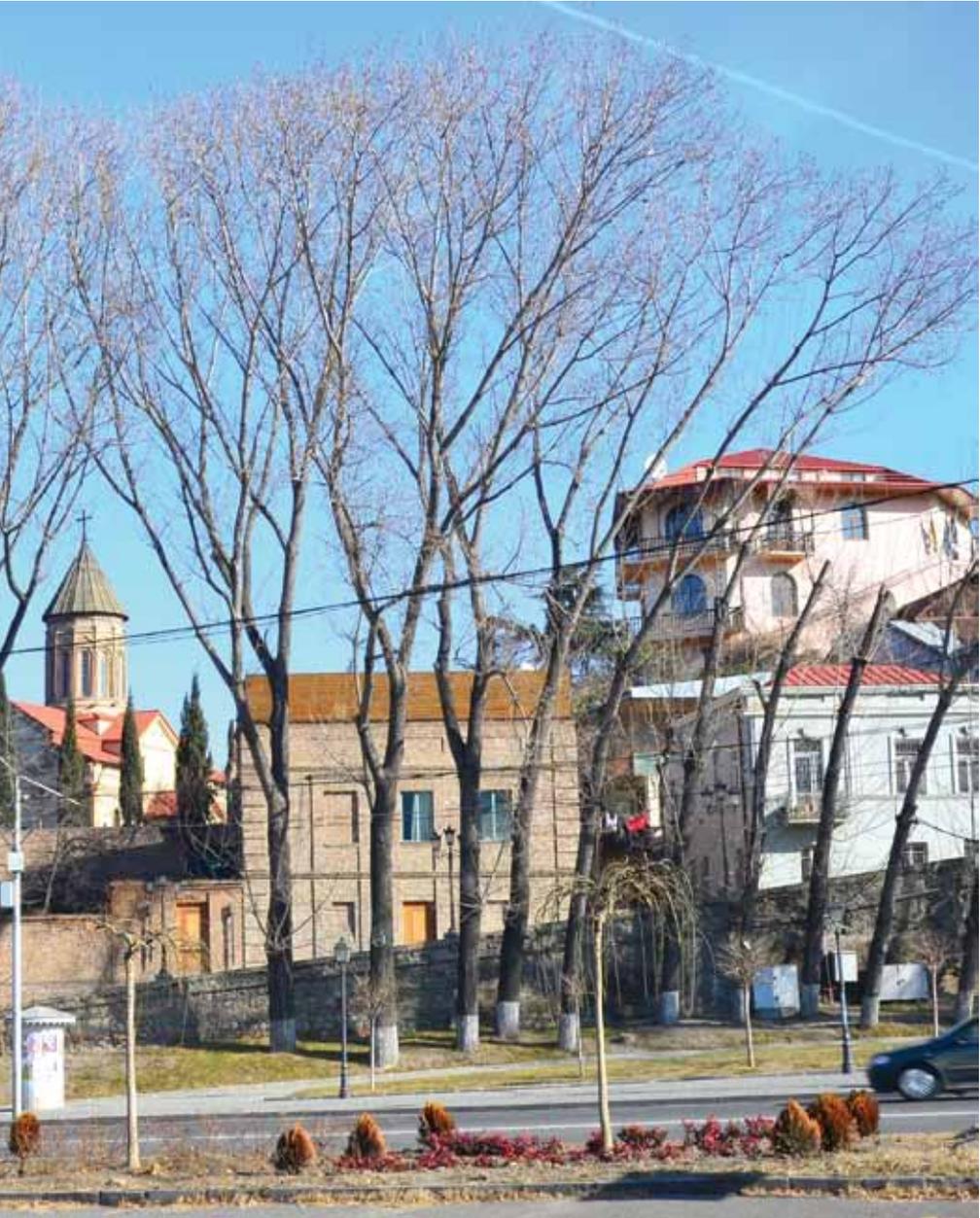
Свой непомерный дар
Едва, как свечку, тепля,
Он – пира перегар
В рассветном сером пепле.

Некоторые образы – пророче-
ские. Скоро, скоро друзья станут
«пеплом» в «перегаре» дьяволь-
ского пира.

▲ Тбилиси

▲ Дом-музей Ладო Гудиашвили

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Б.Пастернак, как выяснилось, очень рано постиг нависшую над друзьями опасность, хотя рядом с его именем часто ставят эпитет «небожитель», якобы принадлежащий Сталину, приказавшему «оставить этого небожителя в покое». Однако он не только ощущал глубже многих жизненные реалии, но и, как выясняется, предвидел ход событий. В письме к жене Зинаиде Николаевне Пастернак он уже в 1933 году пишет: «Параллельно с нарастающим моим убеждением в общем превосходстве Паоло и Тициана я встречаюсь с фактом их насильственного исключения из списков авторов, рекомендованных к распространению и обеспеченных официальной поддержкой. Я бы тут преуспел, если бы от них отказался. Тем живее будет моя верность им» (письмо от 23.11.1933 г.).

Дружба давала постоянный творческий импульс, взаимное счастье от общения с другом: «Ах, Вы оба такие родные. Но ведь мы столько еще увидим в жизни общего и столько раз еще и так сильно будем жить друг другом, не правда ли?» (письмо к Н. и Т.Табидзе от 8.12.1934 г.). И там же – включение личности друга в собственное «я»: «А Тициан, как там ни верти, оказался сильнейшим лириком из всех. Я это и раньше знал. Но он слишком близок мне.

Как и о себе самом, я не смел этого знать даже про себя. Иногда я им жертвовал совершенно, как собою, можете Вы это понять?»

С приближением трагедии Борис Леонидович вселяет веру в Тициана Табидзе. И вписывает его поэзию в задачи эпохи, в праведность творческих поисков, почти по-детски видя в этом спасение: «Я хотел Вам сказать, чтобы Вы не унывали, верили в себя и держались, невзирая на временные недоразумения...» (письмо к Т.Табидзе от 8.04.1936 г.).

И когда свершилось еще недавно казавшееся Борису Леонидовичу невозможным, когда в июле 1937 года покончил с собой Паоло Яшвили и в октябре ушел в неизвестность, а оказывается, в небытие, Тициан

▼ Л.Гудишвили. Кафе «Химериони»

Первый ряд: Н.Мицишвили, Т.Яшвили, С.Шаншиашвили с супругой. Второй ряд: В.Гаприндашвили, Э.Леонидзе, Г.Кикодзе, П.Яшвили, Н.Табидзе, А.Арсенишвили. Стоят: Р.Гветадзе, Ш.Апхаидзе, Т.Табидзе, Н.Джапаридзе, Г.Леонидзе. 1930-е гг.

Табидзе, русский поэт навсегда воспринял это как переворот в собственной жизни.

В декабре 1937-го в Грузии проводился торжественный пленум, посвященный 750-летию создания «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Списки приглашенных реди — из них вычеркивали арестованных. Пастернака ждали. Но он не смог пересилить себя и приехать на празднество — а праздновать пришлось бы... В Тбилиси отправились Н.Тихонов, В.Луговской, В.Гольцев.

«И вот когда в разгар страшных наших лет, когда лилась повсюду в стране кровь, - мне Савский предложил ехать на Руставелевский пленум в Тбилиси, - говорил Пастернак А.Тарасенкову. - Да как же я мог тогда ехать в Грузию, когда там уже не было Тициана? Я так любил

его» (Н.Громова. «Узел». М., 2006, с. 343). Своим неприездом Пастернак больше утвердил свою связь с Грузией, чем прибывшие и праздновавшие.

Этот год стал водоразделом во всем — творчестве, душевном состоянии, оценке людей. Никогда уже более Борис Леонидович не будет участвовать в официальной литературной жизни. Начинается его великое внутреннее противостояние. И тени грузинских друзей, их вдовы занимают в нем центральное место.

В начале 1939 года, по свежей ране, он пишет Георгию Леонидзе: «Мне стыдно вспомнить, как мы приняли Вас и Чиковани тогда в Переделкине. Но не говоря о том, что я с годами и вообще-то все больше живу как на чердаке, было время совершенно нестерпимого стыда и

горя, мне стыдно было, что мы продолжаем двигаться, разговариваем и улыбаемся» (письмо от 12.01.1939 г.).

С тех пор Б.Пастернак, хотя в письме к Г.Леонидзе говорит о своей якобы бездеятельности – «Конечно, я деятелен, трудолюбив, усидчив. Но я не умею предпринимать чего-нибудь в жизни, не люблю «делать шагов». Как я отдавался несколько раз в руки жизни и в руки серьезной работы, так, в крупном масштабе, осталось мне еще отдаться в руки смерти» (письмо от 15.04.1951 г.), - с тех пор Пастернак до конца своих дней участвует в деянии. Начинается его великое противостояние самой смерти друзей. В эпоху, когда Танит Тициановна Табидзе считалась «дочерью врага народа», Борис Леонидович пишет ей: «Нита, Вас насильно разлучили с отцом, и таким отцом, и вот Вы выросли и не погибли. С нравственной стороны Вы уже почти герой. Вы часть героической истории и порождение героизма. Вам ли унывать?» (письмо от 6.02.1941 г.).

Сами эти строки в контексте времени – поступок огромного значения. Но пастернаковское отношение заключалось отнюдь не только в строках, оно охватывает все стороны человеческого существования. Многие годы он материально помогал Нине Табидзе (отметим, что помощь эта была взаимной, Нина Александровна посылала в Переделкино продукты из Тбилиси с любой оказией). Достаточно процитировать письмо к Симону Чиковани. Речь идет о гонораре Пастернаку за перевод

▲ Борис Пастернак

▲ Б.Пастернак и Н.Табидзе в Переделкино

Николаза Бараташвили (договор с Заглизом): «...получите 25% аванса, половину каким бы то ни было образом, под любым предлогом навяжите Нине Табидзе, чтоб она даже не знала, откуда они, а другую почтой или телеграфом переведите мне» (письмо от 3.08.1945 г.).

Борис Пастернак не просто несет в себе образ друзей, он всеми душевными силами продлевает их жизнь на земле, борется за нее, уже ушедшую. Наверное, лишь русский поэт и Нина Табидзе верили почти на протяжении восемнадцати лет, что Тициан Табидзе жив и может вернуться. Приведем строки из письма Пастернака Нине Александровне, ставшей частью его судьбы:

«...знаю, что это счастье когда-либо разделю с Вами и с Тицианом, что мы как-нибудь вчетвером, с гостями еще когда-нибудь пообедаем всем пережитым вкусно, красиво, в течение целой летней ночи или нескольких, и будем друг у друга го-

стить – счастливо, утомленно, отдохновенно!

Тициан жив и где-то совсем недалеко и ждать остается все меньше и меньше. Тициан лицо коренное моего существования, он Бог моей жизни, в греческом и мифологическом смысле. Мне кажется, я не мог бы быть таким счастливым, так любить Вас, занимать такое место во времени и ждать еще так много для себя впереди,

если бы Тициан еще не представлял мне» (письмо от 27.12.1940 г.).

Возникло удивительное и высокое явление. Это не просто поддержка, желание обнадежить. Пред нами живая связь, действующая за пределами конкретной физической жизни – ее продление. Так было не только в отношении Тициана, но и в оживлении памяти бесспорно погибших Паоло Яшвили и Николо Мицишвили. В одном из писем, где ощущается свежая рана, звучит гимн друзьям:

«Я всегда думал, что люблю Тициана, но я не знал, какое место, безотчетно и помимо моей воли, принадлежит ему в моей жизни. Я считал это чувством, и не знал, что это сказочный факт.

Сколько раз пировали мы, давали клятвы верности (тут присутствует, конечно, и бедный Паоло, думаете ли Вы, что я его когда-нибудь забуду!), становились на ходули, преувеличивали! Сколько основа-

ний бывало всегда бояться, что из сказанного ничего не окажется правдой. И вдруг насколько все оказалось горячее, кровнее! Как слабо все было названо! Как необычайно действительная сила этой неотступной, сосущей, сумасшедшей связи» (письмо 1938 года, точная дата не указана).

Через много лет Б.Пастернак пишет Симону Чиковани:

«...для предложения в «Сов. пис.» пробежал «Грузинских лириков» и поразился, до какой степени свеж и интересен остался Паоло! Несомненно, все, что он вправе был ждать и требовать, пришло бы на его глазах. Наверное, его измучило и убило нетерпение...»

И тут же: «Всю ночь мне сегодня снился Тициан. Расскажите Нине. Что-то очень светлое было, свободное» (письмо от 1.02.1946 г.).

В разгар той поры, когда огромная государственная машина пыталась доказать, что человеческая и творческая жизнь может быть стерта с лица земли, что она не представляет никакой ценности, в содружестве Пастернака и его друзей, здравствующих и погибших, утверждается верховная ценность этой жизни для близких и всего человечества.

Борис Леонидович постоянно с колоссальной душевной отдачей выдвигает и хранит саму идею продолжения жизни его друзей, несет их в своей повседневности. Он подчеркивает свою неразрывность с ними, готовность разделить судьбу.

Без участия в делах Нины Табидзе и грузинских друзей, чья доля

наложила отпечаток на стиль жизни Пастернака, на его замкнутость в отношении всех официальных начинаний, Борис Леонидович не представляет себя. Он утверждает в общении, как и в своем творчестве, первозданность главных чувств, объединяющих людей: «Нет кругом меня почти людей, с кем у меня все было бы так близко и просто. Грубые вещи связали меня с Вами: горе и радость» (письмо от 24.11.1940 г.).

В этих словах заключена важнейшая позиция Пастернака нового времени после ухода друзей: неразрывность связей, ответственность художника за художника, когда одной из установок государственной системы было – разорвать человеческие связи.

А в годы войны, под бременем многих потерь, Борис Леонидович продолжает страдать за ту единственную судьбу, с которой его соединила дружба: «Тициан для меня лучший образ моей собственной жизни, это мое отношение к земле и поэзии, приснившееся мне в самом счастливом сне, он для меня почти то же, что для Вас. Когда я прочел из Ваших строк, что он жив, мой долг сознаться Вам, что я не в состоянии верить этому счастью» (письмо от 30.03.1944 г.).

▲ Дом-музей Бориса Пастернака в Перedelкино

▲ Б.Пастернак в рабочем кабинете

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПОРА И «ДОКТОР ЖИВАГО»

После долгого перерыва Пастернак приезжает в Грузию сразу после окончания войны – в октябре 1945 года в Тбилиси отмечалось столетие смерти Николоза Бараташвили. Пастернак работает над переводом всего наследия грузинского лирика. В предшествующие военные годы он по возможности интенсивно пе-

реписывался с друзьями, но реально не мог заставить себя прибыть в любимые места и увидеть Грузию без Паоло и Тициана, признавался: «Зачем посланы были мне эти два человека? Как назвать наши отношения? Оба стали составной частью моего личного мира. Я ни одного не предпочитал другому, так они были нераздельны, так дополняли друг друга. Судьба обоих вместе с судьбой Цветаевой должна была стать самым большим моим горем».

Неслыханной смелостью стало требование Пастернака. Уже прибыв в Грузию, он поставил условие: выступит с переводами лишь в том случае, если на вечер будет приглашена Нина Александровна Табидзе.

«19 октября, читая свои переводы в Тбилисском театре имени Руставели, Пастернак подчеркнуто обращался к ней. В эти счастливые две недели, сопровождаемый страдальческими тенями погибших, Пастернак обрел новых преданных друзей, оставшихся верными этой дружбе до самого конца» (В.М. Максимов, Е.Б. Пастернак. «Материалы к творческой истории романа «Доктор Живаго»).

Зинаида Николаевна вспоминает, что Пастернак не хотел ехать в Грузию, она его с трудом уговорила. «Приехав из Грузии, он сказал, что я, как всегда была права, ему там было хорошо и приятно, его очень

хорошо принимали и он думает дописывать роман...» (З.Н. Пастернак. Воспоминания. Москва. Дом-музей Пастернака. 2010, с. 334).

Нина Табидзе подарила другу листы старинной гербовой бумаги, принадлежавшей Тициану. На ней писались первые страницы «Доктора Живаго». И друг из прошлого словно подтолкнул к созданию произведения, о котором Пастернак давно мечтал. В определенном смысле роман осмыслился данью погибшим друзьям. «Прозу я начал ведь писать с Вашей легкой руки, т.е. толчком к ней послужила подаренная Вами Тицианова бумага...», - пишет Борис Леонидович Нине Табидзе. И чуть позже: «Вы не представляете себе, в какой спешке и каком напряжении пишу я сейчас роман в прозе, который мог бы быть, если удастся, достоин перенесения на его (Тициана) бумагу и который мысленно, с самого возникновения, был посвящен Тициану» (письмо от 24.01.1946 года). Таким образом, один из самых знаменитых романов столетия глубоко связан с грузинскими поэтами, с «грузинской» душевной жизнью великого автора.

▲ Рабочий стол Тициана Табидзе

▲ Ул. Мачабели, 13. Дом писателей

НАДЕЖДА И ОТЧАЯНИЕ

Уже в послесталинские времена стало достоверно известно, что карательные органы распространяли слухи о том, как некоторых, давно убитых и погибших, видели в ссылке, в лагере, на этапах. Очевидно, это распространилось и на Тициана Табидзе. Борис Леонидович и Нина Александровна годами металась между внезапно появившейся надеждой и нежеланием признать реальность факта. При любой обнадеживающей весте Пастернак, не дожидаясь, пока дойдет письмо, посылал телеграммы. Вот одна из них: «Бесконечно счастлив, вся жизнь меняется, поздравляю Вас и себя – Боря». Нет необходимости говорить о том, какое гражданское мужество нужно, чтобы в те годы всеобщего доноительства, при неопределенности собственного положения через всю страну открытым текстом телеграфировать свои мысли.

А когда настал момент признать то, во что столько лет не хотелось верить, Пастернак пишет Нине Табидзе письмо, в котором определяет свою жизненную позицию:

«О как давно почувствовал я сказочную, фантастическую ложь и подлость всего и гигантскую, неслышанную, в душе и голове не вмещающуюся преступность!

▲ Традиции семьи Табидзе продолжаютя

Но все это к делу не относится. Нужно как-то выплакать эту боль, чтобы, если возможно, принести Вам облегчение и (утишить) упрек и жалобу этой тени, удовлетворить ее беззвучное напоминание, ее справедливый иск.

Все это не делается в письме, все это, может быть, когда-нибудь сделается.

Когда в редкие, почти не существующие моменты я допускал, что Тициан жив и вернется, я всегда ждал, что с его возвратом начнется новая жизнь для меня, новая форма личной радости и счастья.

Оказалось, в этом нам так страшно отказано. Все остается по старому. Тем осмотрительнее внутри своей совести, тем прямее и непримиримее надо быть нам, наученным таким страшным уроком. Я го-

ворю о нас самих, а не о воздаянии кому-то другому. Другие никогда не интересовали меня. Обнимаю Вас. Ваш Б.» (письмо от 11.12.1955 г.).

Отношения Бориса Пастернака с семьями друзей имели еще одну, бесценную по своему значению сторону. Поразительную теплоту излучают его послания к дочери Тициана. Во время разгула зловещих сил, доказывавших, что жизнь творца и его личность может быть бесследно уничтожена, Б.Пастернак утверждает высокое значение этой жизни. В письме-напутствии Ните Табидзе в связи с ее замужеством читаем строки:

«Дорогая Нита!

Непростительно, что когда я узнал от мамы эту радость, я позволил делам завладеть мной, не последовав сразу своему естественному

▲ Анна Ахматова и Борис Пастернак

движению. Итак, вот оно, - от глубины души поздравляю Вас.

Сейчас страшное и горячее время, Нита, - надо говорить кратко и по существу. Вот что я хотел бы подарить Вам и Вашему торжеству из своего опыта.

Наше время много отдало возвышенно звучащим и далеким задачам, и вышло пустым, сухим и бессердечным.

Стойте на земле, Нита, и не давайте никаким искусственным возвышениям, какими бы подмостками, эстрадами и трибунами они ни были, сбивать себя.

Только в природе и рядовой обыденщине новизна и вечная необычайность, только в труде и бедности заключена целая вселенная, только среди них откроется Вам полное об-

щение с предшествующим человеческим гением в искусстве, истории и знании.

Любите свободу, без нее не может быть чистого сердца. Следуйте непосредственности, доверяйтесь очевидности чувства, делайте только то, что может доставить Вам радость.

Я не зову Вас к беспринципности и погоне за удовольствиями. Другому бы я этого не сказал. Я знаю, кому это говорю, и если бы не знал Вашей глубокой неискорченности, я бы знал, чья Вы дочь и этого было бы достаточно. Не давайте крикунам и крикуньям, с которыми Вас столкнет жизнь, улучшать себя. Довольствуйтесь устоями, которые Вам сложило детство, семья и дружба в школе, и направляясь дальше, слушайте их

внушений.

Человек в свой нетронутости безмерно лучше и добрее того искусственного ангела, которого из него хотят сделать, и который, всегда проваливаясь на этом испытании, неизменно оказывается искусственным чертом.

Желать Вам счастья нескромно, глупо и излишне. Его у Вас больше и выше всяких пожеланий, и оно такая трудная, неприкосновенная и противоречивая личная Ваша тайна, как было у нас всех. Но пожелать того, что нуждается во времени и измеряется годами, позволительно. Желаю Вам и Вашему мужу счастья в общей судьбе и работе, и в совместной борьбе за честь и достоинство каждого Вашего шага. Простите мне этот проповеднический тон, и с тем вот Вам мое благословение...» (письмо от 1.08.1942 г. из Чистополя).

Благословение дочери друга по своему значению шире интимного обращения к Ните Табидзе. Оно могло быть наставлением всему по-

▼ Георгий Леонидзе

колению детей, испытавших на себе директивную установку – уничтожив отцов, оборвать связь с истоками. Высокие хранители и создатели духовных ценностей, такие, как Борис Пастернак, своим деянием и словом спасли многие души от морального угасания. Их противостояние немислимой для человеческих масштабов системе зла и уничтожения, есть особое явление культуры, создававшейся в экстремальной ситуации, и должно быть осознано как явление культуры.

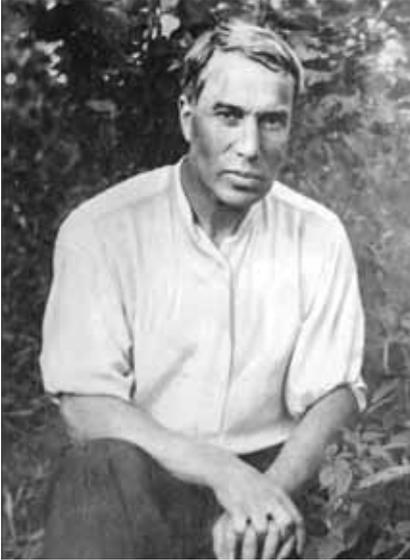
Показательно, что мысли о человечности, преемственности поколений у Пастернака всегда связаны с конкретной судьбой и через нее обретают этическое, философское значение. И лишь в таком случае жизнь и искусство для Пастернака, не терпевшего праздных разговоров о поэзии и творчестве, естественны и сопряжены. Знаменательны его строки из более позднего письма дочери друга:

«Было бы странно ставить в заслугу Вам, Вашей живой душе и тонкости то, как Вы говорили со мной о Вашем отце. Но так как вместе с тем это был разговор о художнике, которого я так любил и которым так любовался, какую-то частицу которого, как мне кажется, я как бы ношу в своем существе и своей деятельностью как бы повторяю, то взволновали Вы меня и этими Вашими словами.

Однако еще более поразило меня полное совпадение Вас со мною в нашем общем восприятии другого замечательного человека,

Д-1-57-02
 Редакция «Доктор
 Живаго»
 Экземпляр
 для Грузии.
 В рукописи
 «Доктор Живаго»
 Книга первая, первая
 глава
 с рукописной пометкой
 «с» и «Томас»
 и датой «1928 г.»
 Томас Черчилль
 5 сентября 1928 г.
 Переделано.

▲ Автограф Б. Пастернака на машинописном экземпляре «Доктора Живаго»

▲ Борис Пастернак в Переделкино

П.Я. (Паоло Яшвили). То, что Вы девочкой, там на месте, в повседневности обихода впитали и увидели этого человека и все вокруг него в той же приподнятости и в том же кратковременном озарении, как я, человек пожилой и со стороны, не перестает удивлять меня, и говорит о редкой незаурядности Вашего внутреннего существа и душевного мира.

Огромное Вам спасибо за то, как Вы думаете о П.Я., как его понимаете и помните. И десятой доли того, что я о Вас думаю, я не скажу Вам, чтобы не повредить Вашей скромности и Вас не испортить...» (письмо от 16.09.1952 г.).

Письма 50-х годов (как уже процитированное к Нине Александровне, когда стало известно, что Тици-

ана убили сразу же, осенью 1937 года) отличаются по тональности, по настроению от ранних. Но пастернаковская позиция, постоянно подтверждаемая им, остается неизменной. Утверждая конечность жизни и бесконечность искусства, Пастернак при абсолютной искренности с Ниной Табидзе, почти никогда не пишет подробно о выпавших на его долю испытаниях. Напротив, в 1957-58 годах появляются строки: «Я больше, чем когда-либо доволен своей судьбой и не желаю ей перемен...» Как бы оценивая все им совершенное, замыкая жизненный круг, поэт пишет о счастье в высшем его понимании. Уверенность в незаменимости великого назначения художника, творческого начала в мире, и шире – вообще кровной связи человека с делом, преисполняет все письма Пастернака к грузинским друзьям, в первую очередь к Нине Табидзе. В письме начала 50-х самооценка стала итоговим философским раздумьем: «Но вот кончусь я, останется моя жизнь, такая счастливая, за которую я так благодарен небу, изложенная с таким тихим, сосредоточенным смыслом, как книга, и что в ней было главного, основного? Пример отцовской деятельности, любовь к музыке и А.Н. Скрябину, две-три новых ноты в моем творчестве, русская ночь в деревне, революция, Грузия» (письмо от 15.04.1951 г.).

▲ На открытии выставки, посвященной Борису Пастернаку в Литературном музее Грузии. 2014

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

Грузия платила русскому поэту взаимностью. После позорной травли Бориса Пастернака в связи с присуждением ему Нобелевской премии в 1958 году, после его изгнания из Союза Писателей СССР, в самые черные для Б.Пастернака дни грузинские друзья поддержали любимого поэта.

В том же году, когда даже не могло возникнуть мысли о публикации опального поэта ни в Москве, ни в Ленинграде, издательство «Заря Востока» выпустило сборник «Грузинские поэты. Поэты Грузии». В него вошли стихи и переводы грузинских поэтов. Это была последняя персональная книга, которую увидел Борис Пастернак (лишь отдельные его переводы проникали в центральные журналы).

И последняя поездка в его жизни тоже была в Грузию. Повод оказался необычным. В Москве в феврале 1959-го ожидался визит премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана, который выразил желание встретиться с опальным поэтом. Опасаясь новой волны нападков или провокаций в адрес супруга, Зинаида Николаевна уговорила Пастернака «скрыться» в Грузии «инкогнито». Пастернаки не знали подробностей о том, как была

▲ Симон Чиковани

воспринята в Грузии официальная травля поэта. Он уже тяжело болел, ему стало плохо в самолете, и Нина Табидзе с зятем-врачом Аликом Андриадзе встретили друзей у трапа и отвезли в новую квартиру в писательском доме на улице Гогебашвили. И тут весть о приезде Пастернака моментально распространилась по Тбилиси. Зинаида Николаевна вспоминает: «Пришли Леонидзе и Чиковани с женами и многие другие. Говорили речи, подымали тосты. По их рассказам, на них вся эта буча не произвела никакого впечатления, в Грузии было очень тихо. Состоялось, правда, какое-то общее собрание в Союзе, но выступавшие избегали резких выражений и все кончало речи на одном: Пастернак очень много сделал для Грузии, переводы

его гениальны...» (З.Н. Пастернак. Воспоминания. Москва. Дом-музей Пастернака. 2010, с. 381-382).

Безусловно, друзья бережно отнеслись к поэту. Они, естественно, во всех подробностях знали о гнусной кампании против него в Москве, и совсем небезопасным было столь тепло принять изгнанника. Да и среди друзей не все были людьми героического характера. Но любовь победила. Правда, надо учесть и настроение в обществе: хрущевская «оттепель» вселила надежду в то, что общение с негодным властям Пастернаком, по крайней мере, не грозит приездом ночного «черного ворона» с чекистами.

«Так же, как раньше он не желал ехать в Грузию, так теперь он не хотел уезжать из Тбилиси. Выглядел чудесно и там пришел в себя. К нам приходили старые знакомые – художники, писатели, и Боря читал свои новые стихи. Я была счастлива, что мне удалось увезти его проветриться в Грузию, которую он считал нашей второй родиной... Нас провожало много народу. В поездке он говорил, что все в Грузии ему напоминало тридцать первый год, и, в общем, он вернулся помолодевшим, окрепшим, в отличном настроении...» (З.Н. Пастернак. Воспоминания. Москва. Дом-музей Пастернака. 2010, с. 381).

В мае 1960 года в последние дни жизни поэта рядом с ним вместе с семьей была Нина Табидзе.

НАША ДАНЬ

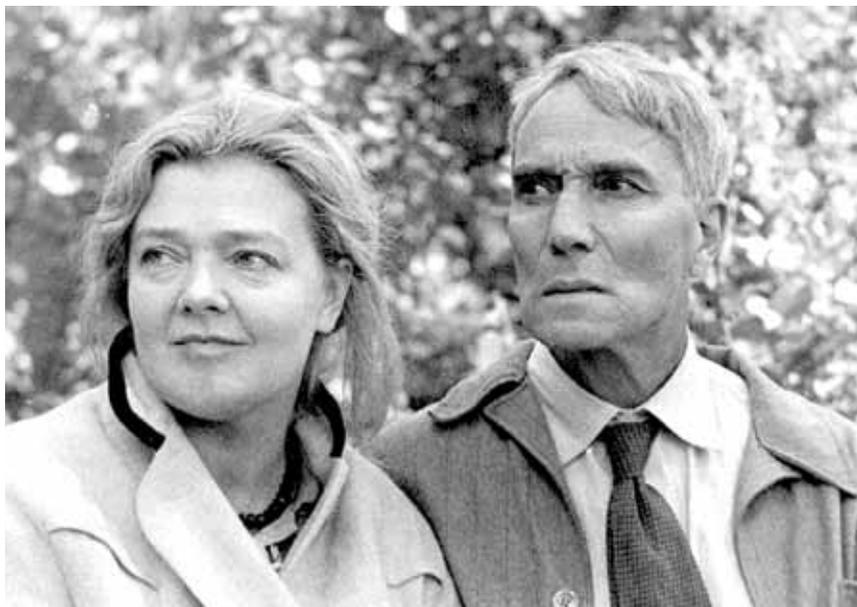

Борис Пастернак в общей сложности прожил в Грузии недолго. Однако он так врос в жизнь страны, поэтическую и реальную, что порой кажется: приехав в начале 30-х в Тбилиси, он Грузии не покидал.

И посмертная судьба Бориса Пастернака связана с Грузией. Первый вечер памяти поэта в десятую годовщину его кончины состоялся в Тбилисском государственном университете. Тогда имя Пастернака было символом сопротивления властям, неприятия литературного официоза, его окружало негласное молчание. На вечере собралась элита грузинской интеллигенции, поэты, профессура, студенты. Говорилось о величии поэзии и кровной принадлежности Пастернака Грузии. В ресторане место рядом с Нитой Табидзе оставили незанятым. В бокале

▼ М.Филина, Н.Андриадзе,
Н.Табидзе, Е.Киясашвили. 1988

▲ **Ольга Ивинская и Борис Пастернак**

стояла красная гвоздика – цветок из петлицы Тициана. Место символически предназначили для неразлучных друзей – грузинского и русского поэтов.

Через десять лет, 31 декабря 1980-го, автор этих строк, тогда сотрудник Музея Дружбы народов Академии наук Грузии, и научный сотрудник этого музея Елена Кисашвили привезли из Москвы в Тбилиси архив Пастернака за последние 12 лет его жизни. Это были материалы, собравшиеся у Ольги Ивинской, среди них – переписка в связи с «Доктором Живаго», отклики литераторов на травлю Пастернака, первая машинописная рукопись романа с правками, рисунки Леонида Пастернака и многое другое.

Тогда встал вопрос, найдутся ли средства на покупку архива у поэта В.Козового, зятя О.Ивинской, в Советском Союзе или архив отправится тем или иным способом во Францию. И средства нашлись в Тбилиси. Это было очень важно – привезти пастернаковские рукописи в Грузию, которую он считал второй родиной. Ныне архив хранится в Литературном музее Грузии. Однако его история – это отдельный сюжет.

В апреле 1988 года мы открыли музей-квартиру Тициана Табидзе на Грибоедовской улице. И Пастернак занял в ней одно из центральных мест. Пианино, подаренное Ните, рукописи, присутствие духа... Вне Пастернака музея не существует.

В последние годы имя Пастер-

нака вновь, «поверх барьеров», политических и идеологических, помогает наладить связи литераторов и ученых двух стран. В 2013 году ряд встреч организовали Союз «Русский клуб», представители грузинской диаспоры в Петербурге и литератор Наталия Соколовская, крестница Ниты Табидзе, Наталия Громова, автор блестящей книги о литературном быте 1920-1930-х годов «Узел», а также петербургские режиссеры.

В 2014 году Ирина Ерисанова, директор Дома-музея Бориса Пастернака в Переделкино, привезла с коллегами выставку ранее практических неизвестных фотографий поэта, в основном военных лет, периода эвакуации в Чистополь. Это начало задуманного цикла конференций, вечеров, выставок и изданий, связанного с юбилейными датами грузинских и русского поэтов в 2015 году. На всех вечерах памяти Ниты Табидзе, на встречах с гостями из Москвы и Петербурга – звучат имена Пастернака, Табидзе и Яшвили. Уже как молитва. Хочется верить, что предложение, прозвучавшее в 2005 году на вечере Пастернака, организованном «Русским клубом» в Свободном театре, будет осуществлено. И вскоре настанет день, когда одна из улиц «колдовского города» станет носить имя Пастернака, влюбленного в него, воспевшего его и считавшего его частью своей судьбы.

Это нужно не только для увековечения памяти поэта, это нужно нам и нашим детям, которых мы хотим воспитывать в сложную и дра-

матическую эпоху начала XXI века на высоких примерах.

Ведь дружба Пастернака с грузинскими поэтами, с их осиротевшими семьями, органическое содружество сквозь десятилетия и расстояния, дружба, не знающая национальных границ, - несет в себе глубинное и неисчерпаемое значение. Возможно, его значение тем важнее, что наше время, к сожалению, весьма бедно примерами высокого творческого и человеческого союза ведущих мастеров эпохи, представляющих разные национальные начала.

Фактически благодаря внутренней неуступчивости отдельных личностей огромный пласт культуры сохранился в той сложнейшей ситуации, в которой ему пришлось существовать. И более того. Мы имеем дело не только с выживанием каких-то культурных ценностей, а с созданием новых, особых ценностей в свою эпоху. Собственно, такое содружество вопреки всему и есть важнейшая культурная ценность, а история этого содружества – история противостояния творческих сил разгулу антитворчества.

▲ Памятник Тициану Табидзе в сквере у Анчисхатской базилики

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვემარტივად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები, ხოლო XVII საუკუნის დასაწყისში რუსეთი გახდა იბერიის რელიგიური და დიპლომატიური მფარველი. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established, and in the beginning of the XVII century, Russia became the religious and diplomatic patron of the Iberian lands. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgirvski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

СОДЕРЖАНИЕ

«ПОЕЗДКА В ГРУЗИЮ – ЭТО ПОЕЗДКА ВНУТРЬ СЕБЯ...»	5
«УЖЕ ЭТО НЕ ПРЕДМЕТ ВОЛЬНОЙ ПЕРЕПИСКИ...»	14
ПРОТИВОСТОЯНИЕ	23
ПОСЛЕВОЕННАЯ ПОРА И «ДОКТОР ЖИВАГО»	30
НАДЕЖДА И ОТЧАЯНИЕ	34
ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ	42
НАША ДАНЬ	43

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

МАРИЯ ФИЛИНА
**БОРИС ПАСТЕРНАК
В ГРУЗИИ**

Редакторы
НИНА ШАДУРИ
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

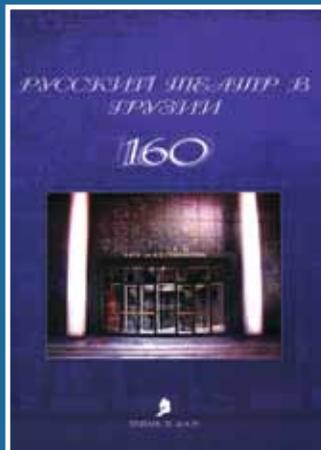
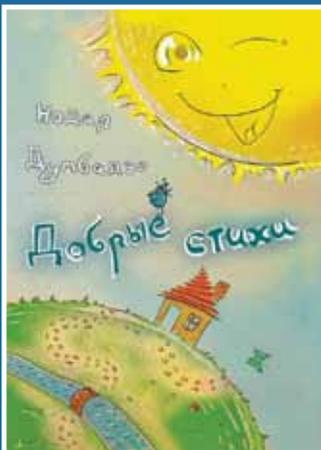
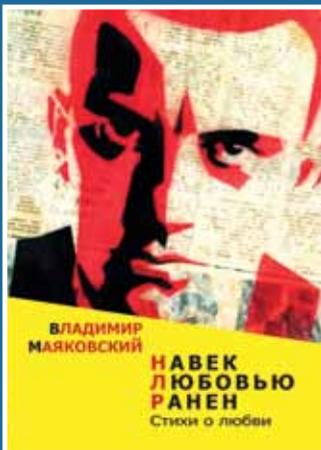
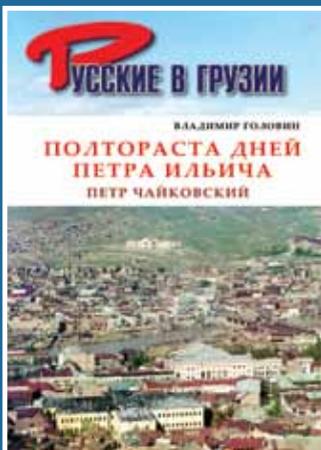
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Технический редактор
ДАВИД АБУЛАДЗЕ

Фотографии
АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА
И ИЗ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Над книгой работали
АЛЕНА ДЕНЯГА
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

*Благодарим сотрудников дома-музея Тициана Табидзе
за любезно предоставленный иллюстративный материал*

Филина Мария Анатольевна – доктор филологических наук. Профессор Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Основатель и президент культурно-просветительского союза поляков Грузии «Полония». Автор более 150 научных трудов и эссе по русской литературе, русско-грузинским взаимосвязям, польской литературе и польско-грузинским культурным контактам. Составитель многих сборников польской поэзии. Редактор научных изданий.

Автор ряда литературных сценариев, очерков и эссе. Награждена Кавалерским Орденом «Заслуги перед Республикой Польша», орденом Чести Грузии, Золотым Кубком Сената Польши, Медалью А.С. Пушкина. Руководитель программ по славянским литературам в ТГУ. Организатор многих научных конференций и встреч по русской литературе, польской литературе и литературным взаимосвязям.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) - грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира - как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых - ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

